

стоялъ теоретически ниже, былъ менѣе достовѣренъ, чѣмъ другіе виды познанія, менѣе цѣненъ познавательнo, менѣе объективенъ, но просто потому, что **Б о г ъ С а м ъ д о к а з ы в а е т ъ С е б я**. Религіозное познаніе есть само доказательство Божіе. И «свидѣтельство Божіе больше». Ибо въ немъ жизнь, вѣчная жизнь. Это есть свидѣтельство вѣчной жизни. «Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную въ Сынѣ Его... И мы видѣли и свидѣ-

тельствуемъ, что Отецъ послалъ Сына, Спасителя міру». «Сія есть вѣчная жизнь, да знаютъ Тебя, Единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобой Иисуса Христа».

Богъ не только объектъ нашего религіознаго познанія, но и субъектъ его. Мы познаемъ Бога черезъ Бога въ Его самооткровеніи. Поэтому рѣшающимъ моментомъ въ актѣ религіознаго познанія является откровеніе Божіе.

Николай Арсеньевъ.

О христіанскомъ гуманизмѣ

(Окончаніе).

Мы часто говоримъ, что для того, чтобы прекратились войны, революціи, трагическіе конфликты современности, необходимо прежде всего внутреннее, духовное возрожденіе человѣка.

Однако, если побѣдить антигуманистическое пониманіе Христіанства, столь характерное для современности, уврачуешь ли оно болѣзни міра? прекратитъ ли дальнейшее разложеніе христіанскаго общества?

Если антигуманистическое Христіанство сурово относится къ человѣку, то еще болѣе жестоко его отношеніе къ социальному міру. Война не отрицается. Отношеніе къ ней часто бываетъ положительнымъ, какъ къ школѣ аскетическихъ добродѣтелей, или какъ къ жестокому лекарству отъ пороковъ цивилизаціи. Человѣчество уже знало религіозныя войны, и на почвѣ антигуманистическаго Христіанства возможно возникновеніе ихъ вновь. Возможно и возрожденіе инквизиціи. Всѣ предпосылки для нея налицо. Раздраженіе на почвѣ религіозныхъ расхожденій возрастаетъ. Католичество никогда принципиально не отказывалось отъ инквизи-

ціи, оно приостановило ее, но весь аппаратъ ея въ полной сохранности и всегда готовъ начать дѣйствовать. Въ православіи аппарата инквизиціи еще нѣтъ, но духъ ея начинаетъ витать и здѣсь, а аппаратъ всегда можетъ быть созданъ. Антигуманистическое Христіанство силится увести изъ міра всю святость, предоставить міръ въ безраздѣльное обладаніе звѣря. Поляризація міра и есть идеаль этого новаго Христіанства, вдохновляющагося Апокалипсисомъ и Добротолубіемъ. Замѣчательно, что Церковь не включила Апокалипсиса въ число книгъ, предназначенныхъ для богослужебнаго употребленія, но вопреки мудрой осмотрительности Церкви, для антигуманистическаго Христіанства Апокалипсисъ, а не Евангеліе становится основной, опредѣляющей книгой. На Апокалипсисъ воспитывается и Апокалипсисомъ питается сознаніе безнадежности борьбы со зломъ въ мірѣ, и дѣлается соотвѣтствующій выводъ: задача христіанскаго спасенія — извлеченіе добра, концентрація его на одномъ полюсѣ съ обреченіемъ всего остального на гибель. Въ апокалиптическомъ

Христіанствѣ возрождается концепція ма-
нихейства.

Въ противоположность всему, нужно
утвердить гуманистическій смысл Хри-
стіанства, который данъ въ самомъ фактѣ
и догматѣ Боговоплощенія. Въ Боговопло-
щеніи аскетическое сознаніе видитъ пре-
имущественно только одинъ моментъ —
моментъ истощанія, уничиженія, «кено-
зиса» Божества. Но воплощеніе Христа,
будучи уничиженіемъ, вольнымъ умале-
ніемъ Бога, есть вмѣстѣ съ тѣмъ возне-
сеніе человѣческаго существа, начавшееся
обоженіе человѣческой природы. Это съ
особенной силой раскрыто и утверждено
св. Афанасіемъ Великимъ. Въ воплощеніи
Христа и въ Евангеліи величайшее утверж-
деніе достоинства человѣческой лично-
сти. Здѣсь корни Христіанскаго гумани-
зма. Замѣчательно, что въ Евангеліи сло-
во «душа» встрѣчается какъ разъ тамъ,
гдѣ мы ожидали бы слова «духъ». Слѣ-
довательно, въ словѣ «душа» нѣтъ ни-
чего опорочивающаго. Въ ученіи о взятіи
креста, какъ условіи слѣдованія за
Христомъ, Спасителемъ, вездѣ говоритъ о
душѣ, а не о духѣ. «Кто хочетъ душу
свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто
потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ
обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если
онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ по-
вредитъ? Или какой выкупъ дастъ чело-
вѣкъ за душу свою? (Мате., 16, 25-26).

Въ Евангеліи душа дана внѣ расколо-
тости, расщепленности, душевное не про-
отивопоставляется духовному, проявленія
духовности не исключаются изъ содержа-
нія духа, а наличествуютъ въ немъ, какъ
нѣчто естественное и должное. Такъ, не
исключены такія «душевные» чувства,
какъ состраданіе и сорадваніе. Христосъ
прослезился надъ пробомъ Лазаря, и эти
слезы, столь понятныя и такъ много го-
ворящія въ планѣ душевномъ, возможны
ли онѣ въ планѣ духовномъ, какъ онѣ
мыслились сейчасъ? Развѣ въ порядкѣ ду-

ховномъ можно оплакивать смерть пра-
ведника? Но центръ Евангелія — живая,
конкретная, духовно - душевная **любовь**,
любовь и къ Богу, и къ человѣку. **Любовь
къ человѣку** является высшей мѣрой, рѣ-
шающимъ моментомъ и на страшномъ
судѣ. Съ точки зрѣнія чистой духовности,
боль о томъ, что человѣкъ голодаетъ, то-
мится въ тюрьмѣ, стремленіе активно по-
мочь ему — только «розовое» Христіан-
ство. Но Христосъ судитъ объ этомъ ина-
че. Для Церкви одна любовь и показыва-
етъ настоящее мѣсто поста и аскезы. Въ
пѣснопѣніяхъ и въ уставныхъ чтеніяхъ Ве-
ликаго поста Церковь настойчиво внуша-
етъ, что выше всего любовь къ ближнему,
что постъ не можетъ и не долженъ ста-
новиться поперекъ любви, превращаться
въ поводъ къ осужденію.

Первый моментъ религіознаго рожденія
человѣка данъ въ Евангеліи, во Христвѣ-
Богочеловѣкѣ. Но задача Христіанской
человѣчности оказалась слишкомъ труд-
ной для византійскаго и средневѣковаго
Христіанства. Въ классическій вѣкъ аске-
зы христіанское достоинство человѣка ис-
пытало значительный ущербъ. Позвольте
остановиться на одной чертѣ въ исторіи
христіанской иконографіи, многозначи-
тельной по своему смыслу и послѣдстві-
ямъ.

Христіанскій Западъ въ раннее средне-
вѣковье какъ будто **стыдился** человѣчно-
сти Христа, стыдился уничиженія Христо-
ва.

Благочестіе Запада долго не могло осво-
иться съ мыслью о страждущемъ Христвѣ,
отвращалось отъ распятій, гдѣ Христосъ
изображался обнаженнымъ, требовало,
чтобы даже на распятіи Христосъ изобра-
жался какъ царь, въ коронѣ, съ нескло-
ненной главой, безъ малѣйшихъ призна-
ковъ смертнаго. Евангеліе было умалено,
религіозность приобрѣла аскетическій и
жизненно жестокой характеръ. Иначе ли
было на Востокѣ?

Византійская культура при всемъ своемъ блескѣ и пышности, — одна изъ самыхъ жестокихъ культуръ міра. Для византійскихъ нравовъ урѣзаніе носа и ушей свергнутаго императора, ослѣпленіе и оскотленіе военнопленныхъ было обычной мѣрой. Какъ могло случиться, что цѣлостная, глубоко - религіозная, безспорно христіанская культура оказалась столь жестокой? Это умаленіе любви связано съ умаленіемъ человѣческаго Лица Христа. «Пантократоръ». — Господь Вседержитель — не на землѣ страдающій, но міромъ правящій и міръ судящій Богъ — таковъ по преимуществу Христосъ византійцевъ. Благочестіе монашеское ширилось. Линія великихъ аскетовъ не прекращалась. Міръ преклонялся передъ великими подвижниками, искалъ спасенія въ культѣ, но, повидимому, не считалъ особенно нужнымъ для спасенія дѣла любви и милосердія.

На Западѣ возрожденіе человѣка въ Христіанствѣ началось очень рано — въ 12 вѣкѣ. Я полагаю, что огромную роль сыграли здѣсь крестовые походы. Тысячи пилигримовъ посѣщали мѣста земной жизни Спасителя. Прикосновеніе къ святой землѣ расплавило сердца, оживило евангельскія воспоминанія, обновило человѣческій Ликъ Христовъ. Въ проповѣдяхъ и богословскихъ трактатахъ замѣтно возрастаетъ значеніе Евангельскаго Христа. Это измѣненіе отношенія ко Христу сначала обнаруживается у второстепенныхъ писателей самаго начала XII вѣка, потомъ у великихъ, какъ св. Бернардь Клервосскій. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире разливается въ западномъ мірѣ евангельская струя. На рубежѣ XIII вѣка св. Францискъ Ассизскій предпринимаетъ апостольскій подвигъ — въ нищетѣ и странствованіяхъ проповѣдуетъ любовь и миръ, несетъ мірянамъ идеаль евангельской жизни. Это было — впервые послѣ цѣлаго тысячелѣтія — какъ бы новое откровеніе

Евангелія міру. До сихъ поръ Евангеліе было только одной изъ книгъ, которую цитировали наряду со Второзаконіемъ, Числами и т. д., сейчасъ оно стало первой среди всѣхъ. Но уже у св. Франциска религіозно - этическое откровеніе Евангелія было связано съ эстетически - религіознымъ пріятіемъ міра. Здѣсь корни христіанскаго гуманизма въ широкомъ смыслѣ слова: т. е., не только человѣчности — человѣколюбія, но и оправданія человѣческаго творчества въ культурѣ. Самъ Францискъ не принималъ культуры, какъ не принималъ богатства. Но его духовное движеніе оплодотворило культуру. Вся жизнь оказалась подъ творческимъ воздѣйствіемъ новаго христіанскаго гуманизма. Особенно ярко и сильно сказалось это въ искусствѣ. Связь новаго искусства съ францисканствомъ несомнѣнна. Въ исканіяхъ Дуччіо, Чимабуэ, Джотто строгость греческихъ иконныхъ ликовъ смягчается, нѣжность и страданіе находятъ отраженіе въ иконѣ, она очеловѣчивается. Если бы духовная жизнь поздняго средневѣковья стояла бы на уровнѣ этого культурнаго «гуманистическаго» цвѣтенія, быть можетъ, Возрожденіе, съ котораго ведетъ свое начало новая эпоха человѣчества, сохранило бы христіанскій характеръ. Но въ XV вѣкѣ происходитъ огромный, катастрофическій срывъ. Въ этомъ срывѣ повиненъ, конечно, не явленный по человечеству Ликъ Христовъ, а надломъ теократіи, преувеличенныя, апокалиптичeskія чаянія францисканцевъ, разочарованіе въ папской церкви и многое другое. Какъ бы то ни было, но новое содержаніе не вмѣстилось въ церковной культурѣ, и узрѣніе красоты человѣческой личности нашло себѣ иную икону: кумиры греческихъ боговъ и воскресшую античность. Но и въ языческомъ гуманизмѣ была все же сильна Христіанская струя. Поэтому и возможны были такія явленія, какъ Амброджіо Траверсари, гуманистъ-

аббатъ, причисленный къ лику святыхъ. Въ XVI вѣкѣ въ орденѣ иезуитовъ въ благочестіи св. Франциска Сальскаго — новое явленіе христіанскаго гуманизма. Францискъ Сальскій, получившій классическое образованіе, пишетъ для мірянъ руководство для духовной жизни въ міру, опредѣляющее и до сихъ поръ мірское и культурное католическое благочестіе.

Обратимся къ Россіи. Русское Христіанство въ своемъ рожденіи было человѣчнымъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ любви и жалости къ человѣку. Въ страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ, вчерашнимъ язычникамъ, сразу открылся страдающій и униженный Ликъ Христа. Въ русскомъ монашествѣ опредѣляющимъ является идеалъ служенія любви. Въ этомъ отношеніи исключительное значеніе имѣлъ св. Ѳеодосій Печерскій. Ѳеодосій — подлинный монахъ и аскетъ, но аскеза у него подчинена любви. Ѳеодосій вывелъ Печерскій монастырь изъ подземелій, куда укрылъ его отъ міра основатель монастыря Антоній, поставилъ его рядомъ съ Кіевомъ, чтобы монастырь служилъ міру. Служеніе любви, служеніе міру на долгое время становится основной традиціей русскаго монашества. Она умираетъ только въ 16-17 вѣкѣ, когда возобладало уставно-обрядовое отношеніе къ религіозной жизни.

19-ый вѣкъ въ Россіи является вѣкомъ, когда сіяніе вѣковой народной святости въ русской культурѣ, прорвавшись сквозь оболочку раціоналистическаго просвѣщенія, создаетъ творческій христіанскій гуманизмъ. Создается литература, которую западный человѣкъ воспринимаетъ какъ насквозь христіанскую. Пушкинъ воспитался на Вольтерѣ, близокъ къ Гете по своему художественному темпераменту. Но Пушкинъ — въ его лучшихъ произведеніяхъ — христіанинъ. Его творчество — живое свидѣтельство того, что христіанство у него въ крови, что самъ онъ

зрѣлый плодъ тысячелѣтней мудрости. Достоевскій, Гоголь, Толстой — явленія той же тысячелѣтней мудрости сердца, она живетъ въ нихъ, говоритъ черезъ нихъ. Но прививка западнаго творческаго міроотношенія къ православної человѣчности создаетъ изъ русскихъ писателей 19-го вѣка христіанскихъ гуманистовъ.

Въ чемъ же смыслъ и задача христіанскаго гуманизма, — который долженъ быть возрожденъ въ наше время, ибо безъ него духовное возрожденіе личности не спасетъ міра.

Гуманизмъ — любовь къ душѣ и культура души, срединнаго слоя человѣка; ее хотятъ уничтожить, но мы должны сохранить и освятить ее.

Но для нашего времени эта всегдашняя идея христіанскаго гуманизма принимаетъ особую направленность: она ставитъ задачу созданія христіанскаго общества, какъ общенія личностей.

Аскетическое Христіанство не ставило и не могло поставить такой задачи, ибо въ душѣ, являющейся основой личности, видѣло предметъ искушенія. Оно учило скорѣе защищаться, отъединяться отъ чужой личности, ибо общеніе съ людьми вызываетъ страсти. Какъ вступить съ ней въ общеніе — этому оно не учило и не могло учить. Проблема общенія была поставлена гуманизмомъ. Объ отношеніи къ личности говорила литература, искусство, свѣтская этика, но въ религіи эта проблема не заняла достойнаго мѣста. При Евангельскомъ пониманіи Христіанства она становится въ немъ центральной. Въ аскетическомъ отшельничествѣ оказалась не раскрытой тема любви. Міръ, раздираемый противорѣчіями, ждетъ отъ Христіанства отвѣта на вопросъ о томъ, какъ установить общеніе между людьми. Это общеніе на религіозной основѣ возможно лишь тогда, когда мы увидимъ въ ближнемъ отблескъ Лица Христова, будемъ чтить въ ближнемъ нерукотворенную ико-

ну Христа. Для современнаго, безчеловѣчнаго, «духовнаго» пониманія Христіанства этой задачи не существуетъ. Но вмѣсто презрѣнія и отрицанія грѣшнаго об-

раза человѣка мы должны разглядѣть въ немъ черты его небеснаго первообраза, Того, Кто «просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ».

С в я т а я   Р у с ь

Французы называютъ свою родину — Прекрасной Франціей, англичане — Свободной Британіей, а русскіе — Святой Русью. Этими названьями, хотя кратко, но вѣрно, обрисованъ идеаль каждой изъ названныхъ странъ. Изъ сѣдой древности дошло до насъ названіе Святая Русь. Эти два слова говорятъ намъ о высотѣ народнаго идеала. Для русскаго человѣка идеаломъ служить не красота или свобода, а нѣчто высшее, вмѣщающее въ себѣ оба первыя понятія — святость. Если сравнивать русскаго человѣка съ иностранцемъ, то увидишь, что иностранецъ въ массѣ считаетъ высшимъ счастьемъ своимъ спокойную, богатую жизнь. Онъ трудится въ потѣ лица своего всю свою молодость, добывая деньги, для конечной цѣли своего существованія. Вотъ онъ достигъ цѣли, живетъ спокойно, богато, удобно и ни на одну минуту не промелькнетъ у него мысль, что чего-то не хватаетъ ему, что-то не закончено. Онъ блаженствуетъ...

Возьмемъ нашего зауряднаго человѣка (купчину какого-нибудь). И онъ, можетъ быть, ставилъ себѣ идеаломъ богатство, но достигнувъ его, онъ начинаетъ задумываться о своей жизни, его точить червь недовольства жизнью. Въ интимныя минуты онъ нещадно бранить и себя, и жизнь свою спокойную. А порой можно услышать и не случайно брошенныя слова: «Эхъ, брошу я все, уйду». И уходятъ... По святымъ мѣстамъ, по монастырямъ, въ поискахъ за утраченнымъ спокойствіемъ. Но таковъ заурядный человѣкъ. Прослѣдимъ же теперь

тѣ образы, которые народъ считалъ выразителями своихъ идеаловъ. Этотъ идеаль уже давно намѣтился въ былинахъ, гдѣ встрѣчаются изумительнѣйшіе образы, какъ на примѣръ Илья Муромецъ. Скажите, какой еще народъ, кромѣ русскаго, создавалъ когда-нибудь нравственный законъ выше этого: «Не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина». Если вдуматься въ смыслъ этого безконечно глубокаго завѣта, даннаго простымъ крестьяниномъ сыну своему, то испытываешь какое-то благоговѣніе. Милосердіе къ врагу не только на дѣлѣ, но даже и въ мысляхъ. И Илья Муромецъ свято исполнилъ завѣтъ отца. Незлобіе, великодушіе, кротость, смиреніе проявляются во всей его жизни. Характерно для русскаго народа то, что его герои, кромѣ защиты Родины, всегда и борцы за вѣру. Живы въ нашей памяти яркіе образы нашихъ богатырей, что «Заставами стояли по св. Руси и держали брань за вѣру православную». Шагнемъ отъ богатырей въ XIX вѣкъ. Основная тенденція народа та же. Передъ нами Лукерья изъ «Живыя мощи» Тургенева. Религіознымъ свѣтомъ озарена вся ея жизнь. Она радостно несетъ свой крестъ и вѣритъ, что Господь послалъ ей крестъ изъ любви къ ней.

Русскій человѣкъ, какъ и природа русская равнинная, безкрайная, любитъ развернуться въ ширь. Проведя буйно молодость, онъ сознательно или подсознательно, но подумаетъ о спасеніи души. Нѣтъ-нѣтъ, а мелькнетъ у него мысль —